

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.09

УДК 323.28:271.2

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА ПРОТИВ СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ

А.В. Печерин

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>

Статья посвящена исследованию особенностей проведения Большого террора против православного духовенства и представителей церковного актива в разных регионах Урала. Тема репрессий 1937–1938 годов, при всей своей популярности в отечественной публицистике последних десятилетий, остается очень мало исследованной именно с научной точки зрения, а кочующие из издания в издание данные о количестве репрессированных «церковников» являются, как правило, совершенно фантастическими. В предложенной статье сделана попытка использовать как немногочисленные научные публикации по данной теме, так и результаты работы автора по составлению базы данных о репрессированных представителях духовенства и церковного актива, охватывающей практически все регионы «Большого Урала»: Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Оренбургскую области, Пермский край, Республику Башкортостан. При составлении базы используется широкий диапазон источников – как опубликованных (Книги памяти репрессированных и т.п.), так и электронных (таких как, например, база данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета). Кроме того, поднят целый пласт архивно-следственных дел периода Большого террора, электронные копии которых ныне находятся в архиве Екатеринбургской духовной семинарии.

В результате исследования были получены данные, существенно уточняющие взгляд на антицерковный Большой террор на Урале (пик которого приходится на конец 1937 года). Прежде всего, необходимо отметить большую роль региональной специфики, связанной с «политикой» той или иной местной структуры НКВД. По разным областям существенно различаются как общие цифры репрессированных «церковников», так и процент выносившихся им смертных приговоров.

Главный вывод исследования: основной целью репрессивной политики государства во время Большого террора была институциональная церковная структура. Основной группой, попавшей под репрессии, стало православное духовенство и особенно епископат, низшие члены церковного клира подверглись репрессиям в значительно меньшей степени, еще в меньшей степени репрессии коснулись верующих людей, не занимавших какие-либо посты и должности в церковной организации.

Ключевые слова: Большой террор, репрессии против духовенства и церковного актива, Свердловская область, Пермская область, Челябинская область, Курганская область, Оренбургская область, Башкирия, управления НКВД, осведомители.

SPECIFICS OF THE LARGE-SCALE TERROR AGAINST CLERGYMAN IN THE URALS

Andrey V. Pecherin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation
Theological Seminary, Yekaterinburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>

Specifics of the large-scale terror against Orthodox clergy and the most active members of church in different regions of the Urals have been studied in this article. Despite popularity in the native publicism of the last decades the theme of repressions of 1937-1938 has been studied insufficiently from scientific point of view and information about the number of “churchmen” subjected to repressions has been absolutely fantastic as a rule. In this paper the author has tried to use both a few scientific publications on this subject and the results of the work connected with formation of database which includes the names of clergy and the most active members of church subjected to repressions. This database involves practically all regions of “the Great Urals”: Sverdlovsk, Chelyabinsk, Kurgan, Orenburg, Perm Krai, Orenburg, and Republic of Bashkortostan. In the process of this database formation it has been used a wide range of sources – both published

(The Books of Memory of Subjected to Repressions, etc.) and online sources (Database of the Orthodox St. Tikhon University of Humanities). Besides, it has been used a whole layer of archival investigative documents of "the Great Terror" period, blind copies of which can be found in the archive of Ekaterinburg Theological Seminary.

The results of study define more exactly the information about anti-ecclesiastic Great Terror in the Urals the peak of which could be seen at the end of 1937. First of all it is necessary to mention that regional specificity conditioned by the whole number of reasons connected with "policy" of the local NKVD structures played considerable part. In different regions of the Urals the total number of persons subjected to repressions and percent of those who adjudged them are different too.

General conclusion: the main target of repressive policy of the state during the Great Terror was the institutional structure of church. The orthodox clergy and especially episcopate was the main group subjected to repressions. The lower members of the clergy were repressed to a lesser extent. Religious persons who did not held any posts in church were in the same situation.

Keywords: the Great terror, repressions against clergy and the most active persons of church, Sverdlovsk region, Perm region, Chelyabinsk region, Orenburg region, Kurgan region, Bashkiria, NKVD department, informants.

Политические репрессии периода Большого террора стали одной из ведущих тем в постсоветской историографии, исследование репрессий на Урале занимает значительную долю в общероссийских исследованиях.

В поле зрения историков попадают различные категории и группы людей, объединенных как по территориальному признаку [1, 2], так и по отраслям производства или по классам [3, 4, 5]. Не обошли стороной исследователи и тему репрессий против духовенства. Это стало темой, например, одного из разделов монографии П.В. Каплина, посвященной церковно-государственным отношениям на Урале 1927–1938 годов [6]. Но при этом необходимо отметить, что в большинстве монографий, посвященных церковно-государственным отношениям, вопрос репрессий не является предметом специального исследования и рассматривается только в контексте общей антирелигиозной государственной политики [7, 8].

Темой репрессий против духовенства сегодня активно занимаются епархиальные исследователи, и здесь нужно отметить два направления: агиографическое (или житийное) и церковно-историческое. Большое значение в развитии первого направления и сохранении имен отдельных репрессированных священно- и церковнослужителей имеет работа епархиальных комиссий по канонизации святых. Эти исследования относятся к области биографии и представляют собой достаточно подробные исследования жизни и того или иного пострадавшего от репрессий служителя церкви. Одной из главных характеристик таких исследований является их выборочность: исследователи не ставят своей задачей осветить общую картину репрессий против церкви.

Историки второго направления акцентируют внимание на картине репрессий против всего духовенства, но в силу своей епархиальной принадлежности ограничиваются пределами того или иного конкретного региона. Среди таких работ можно отметить книгу прот. В.В. Лавринова «Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы» [9], в которой были впервые представлены списки репрессированных представителей духовенства, служивших на территории современной Свердловской области, и биографические справки некоторых из них. Список репрессированных священноцерковнослужителей Оренбуржья впервые был приведен в книге «Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX в.», составленной прот. Н.Е. Стремским [10], в 2011 году она была переиздана в дополненном виде [11].

Большой вклад в изучение репрессивной политики Большого террора против духовенства Пермского края внесли труды пермских ученых М.Г. Нечаева, С. В. Уткина [12], М.И. и Н.Е. Дегтяревых [13] и др. Они не только приводят статистику репрессий по своей области, но и прибегают к историческому анализу репрессивной политики, используя различные, в том числе и социостатистические методы.

Несмотря на достаточно большой интерес к изучению Большого террора против духовенства в среде историков и активную работу разных институтов по созданию баз данных политических репрессированных, М.Г. Нечаев и С.В. Уткин справедливо отмечают, что до сих пор остается неизученным вопрос о количестве жертв. При этом, по нашему мнению, можно

отметить общую тенденцию к преувеличению количества репрессированных, которая характерна для многих исследователей, особенно из церковной среды. Более точный ответ на вопрос о количестве репрессированных служителей церкви мог бы быть дан при условии объединения локальных исследований на эту тему, но региональные исследователи, называя цифры, выявленные в архиве, часто отмечают, что множество служителей церкви остается при таком исследовании «за рамками». Таким образом, если неизвестен процент этих упущений, то невозможен и точный подсчет количества репрессированных.

Так, прот. Валерий Лавринов в своем исследовании называет число репрессированных во время Большого террора священнослужителей 154 (из них 91 расстреляны) и не менее 500 мирян. Вторая цифра была им получена не на основании документальных данных, а при помощи собственных расчетов, когда на каждом приходе вместе со священником арестовывали двух-трех мирян, составлявших церковный актив. При изучении базы данных осужденных Свердловской области нами были обнаружены 194 служителя церкви (вместе с диаконами) и только 67 активных мирян. М.И. и Н.Е. Дегтяревы указывают на особенность статистики Большого террора: многие священнослужители (добавим от себя – и представители актива Церкви) были арестованы в качестве гражданских лиц, из которых только единицы попадали в базу данных архива.

Совершенствование методологии выявления репрессированных священно- и церковнослужителей поможет, по нашему мнению, снизить процент «неустановленных» и сделать цифру репрессированных более реальной. Так, за основу выборки в нашем исследовании были взяты любые упоминания о принадлежности к церкви репрессированных лиц. Они могли содержаться в анкете подследственного, в графах – работа (место службы) или социальное происхождение, отсюда данные попадали в базы данных репрессированных по 58-й статье. По нашему мнению, процент не указавших себя в качестве служителей церкви был очень низок, потому как в базу попадали и бывшие священники, и бывшие монахи. Более того, иногда в служители церкви и монахи записывали тех, кто на самом деле таковыми не являлись. В том случае, если человек, в прошлом имевший отношение к духовенству, смог сознательно скрыть это на допросе, то нашей статистике это никак не повредит, потому что служители церкви после 1918 года учитываются уже не по словесной принадлежности, а по признаку своего сознательного выбора в пользу служения Церкви.

Для проведения комплексного социостатического исследования репрессированных служителей церкви была составлена таблица В ней указывались: ФИО репрессированного, год рождения, профессия (куда включалось любое упоминание о принадлежности к Церкви), место проживания на момент ареста, дата осуждения, статья и приговор. При наличии информации о дополнительных осуждениях последние три раздела дублировались. Это позволило выявить всех священноцерковнослужителей и иных работников церкви и даже активных мирян, осужденных на территории уральских областей. Анализ такой статистики по нескольким областям Уральского региона позволил выполнить сравнительный анализ в социостатическом исследовании.

Территориально-хронологические рамки исследования охватывали территорию нескольких областей Урала: Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Курганской, Пермского края и Башкирии. За основу расположения имени священнослужителя в таблице было взято последнее место его служения перед арестом. Распределялись эти места в соответствии с современным административно-территориальным делением.

Для создания таблицы использовались различные базы данных, картотеки и Книги памяти осужденных. В более чем 60 регионах РФ архивно-следственные дела осужденных по 58-й статье были переданы из архивов ФСБ (КГБ) в государственные архивы. Изданные и размещенные в Интернете Книги памяти (а также созданные для подготовки этих книг базы

данных) являются бесценным источником для поиска имен служителей церкви, осужденных по 58-й статье. Согласно закону о сохранении персональных данных, доступ исследователей к документам 1937–1938 годов стал возможен через 75 лет после окончания Большого террора, то есть к началу 2014 года. Открытые для исследователей следственные дела позволяют уточнить и дополнить недостающую информацию.

Из других источников информации о репрессированных по областям можно отметить открытую базу данных репрессированных священнослужителей Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, материалы епархиальных комиссий по канонизации святых, представленные на различных интернет-ресурсах, а также исследования епархиальных историков, собиравших сведения о репрессированных священниках. Особый интерес при этом представляют каталоги репрессированных, выпущенные в местах, где отбывали свой срок заключения представители уральского духовенства, – таких как Северный Казахстан и Сибирь [14].

Статистику служителей церкви, отбывавших срок заключения на территории Ивдельлага, провели сотрудники Екатеринбургской семинарии, создавшие картотеку репрессированного духовенства. Группа нижнетагильских исследователей под руководством проф. Кириллова создала базу данных осужденных по 58-й статье на основании оцифрованной ими ранее картотеки Тагиллага. В этих картотеках среди лиц, отбывавших наказание по 58-й статье, были обнаружены единичные фамилии уральских церковников, не проходящих ни по епархиальным сайтам и базам данных, ни по Книгам памяти.

Эти источники взаимодополняют друг друга, и только обращение ко всей их полноте помогает получить наиболее достоверные сведения о количестве репрессированных из числа духовенства. Например, часто Книги памяти не в полном объеме отражают число репрессированного духовенства, где-то работа по внесению в базы данных проведена со значительными опущениями. В этих случаях изучение следственных дел той или иной группы осужденных позволяет дополнить недостающие имена.

Причем часто корректировки в отношении количества репрессированных возникают не только в сторону увеличения их числа. Так, при пофамильном заказе дел всех репрессированных в Челябинском архиве было выявлено, что принадлежность некоторых лиц к «контрреволюционному» духовному сословию оказывалась фиктивной и вымышленной следователями, либо ошибку допустили сотрудники архива при подготовке базы данных. Так, в Книге памяти Челябинской области значится священник Гладких Григорий Степанович. На самом деле это был *сцепщик* на железной дороге, что было неверно прочитано сотрудниками архива. Другой пример – Логинов Василий Васильевич значится в следственном деле как диакон, причем по материалам следствия он вообще проходит как кулак, диакон и руководитель контрреволюционной организации баптистов (!), однако же при пересмотре дела в 50-х годах было опровергнуто и первое, и второе, и третье [15].

В результате исследования были получены данные, существенно уточняющие взгляд на Большой террор на Урале. До недавнего времени наиболее подробным социостатистическим исследованием политики Большого террора среди епархий Урала была статья М.Г. Нечаева, С.В. Уткина «Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии» (один из авторов директор Пермского архива Новейшей истории – ныне ПермГАСПИ).

Сравнительный анализ масштабов Большого террора, проведенный независимо от исследования С.В. Уткина и М.Г. Нечаева и использовавший несколько другие критерии, в целом показал похожую картину террора. Так, пермскими авторами названо общее количество репрессированных священноцерковнослужителей, отраженное в документах Пермского архи-

ва – 957 человек. По всей видимости, в число выбранных авторами были включены представители неправославных конфессий и старообрядцев. Из них, согласно статистике авторов, за 1937–1938 годы подверглись репрессиям 395, что составляет 41,3 %, количество приговоренных к ВМН составило 241, таким образом, процент расстрельных приговоров в 1937–1938 годах составил (включая начало 1937 года и конец 1938 года) – 61,0 %. Наша выборка составила 902 служителя церкви, из которых во время Большого террора пострадал 391, процент репрессированных при этом составляет 43,4 %, разница в расчетах при этом не превысила 2,1 %. Количество приговоров к ВМН, по нашим данным, составило 232, в процентном отношении – 59,3 %, что на 1,7 % меньше, чем показало исследование пермских коллег. Таким образом, можно полагать, что данные, полученные нами и по другим областям Урала, несмотря на возможные погрешности, в целом адекватно отражают картину Большого террора.

Всего по Свердловской области (без районов нынешнего Пермского края) за 1937–1938 годы подверглось репрессиям 259 служителей церкви, из них 192 были облечены священным саном: 6 имели епископскую хиротонию в разных юрисдикциях (обновленческий и григорианский митрополиты, обновленческий архиепископ, заштатный обновленческий епископ, сергиевский архиепископ), 170 – священническую и 16 – диаконскую. 67 осужденных не имели священнического сана. Две трети из них состояли на низших должностях в церкви (церковные старосты, казначеи, председатели и члены церковного совета, певчие и регенты церковного хора, псаломщики, сторожа, уборщики в храме и др.). Треть репрессированных «церковников» составляли люди, не работавшие в храме (монахини, активные церковники, активные прихожане и др.). Меньшая доля среди репрессированных, не состоявших ни на каких должностях, «активных прихожан» может объясняться тем, что привлечение к ответственности таких людей в условиях массовой кампании было более проблематичным для НКВД. Списков активных прихожан в храмах не составлялось, в списки лишенных избирательных прав они могли не входить, имена таковых реже встречались в агентурных сводках.

На территории современного Пермского края был подвергнут репрессиям 391 «церковник». Из числа репрессированных были клириками 251 человек: 1 епископ, 2 игумена, 5 иеромонахов, 4 протоиерея, 21 диакон, 193 священника, 25 служителей культа (без уточнения сана), а не имевших священного сана – 140 человек.

В Челябинской области (не включая районы нынешней Курганской) было репрессировано 275 служителей церкви. Облеченных саном из них было 141. Социальный состав клириков на основании анкет следственных дел представляется следующим: 7 архиереев (2 митрополита и 5 архиепископов), 134 священнослужителя (2 архимандрита, 2 «служителя культа» без указания конкретного сана, 11 протоиереев, 2 иеромонаха, 102 священника и 15 диаконов). Не облеченных саном было 134 человека, из них 13 членов группы истинно-православных христиан; репрессиям подверглись также две жены священников.

На территории современной Курганской области (выделившейся из Челябинской области в 1943 году) было репрессировано 111 служителей церкви, из них 80 клириков (1 архиепископ, 2 протоиерея, 76 священников и 1 диакон). Не облеченных саном был 31 человек.

В Башкирской АССР было репрессировано 287 человек, из них 216 служителей церкви: епископ автокефальных церквей – 1, архимандритов – 5, иеромонахов – 2, протоиереев – 9, священников – 197, диаконов – 2. Не в сане был репрессирован 71 человек, из них только один член группы истинно-православных христиан.

И, наконец, в Оренбургской области в период Большого террора было репрессировано 154 служителя церкви, из них облеченных саном 114: 1 обновленческий архиепископ, 2 епи-

скопа, 1 игумен, 5 протоиереев, 96 священников, 9 диаконов. 40 осужденных не были облечены священническим саном, но принадлежали Церкви по своему статусу (1 монах и 9 монахинь, 2 юродивых) или работали на низших церковных должностях (28 человек) (табл. 1).

Таблица 1

Количество репрессированных священноцерковнослужителей
в период Большого террора

Современные названия административно-территориальных образований РФ	Число репрессированных, чел.		
	Всего репрессировано, чел.	Доля священнослужителей от общего количества, %	Доля остальных «церковников», %
Свердловская область	259	192 (74,13)	67
Пермский край	391	251 (64,19)	140
Башкирия	287	216 (75,26)	71
Оренбургская область	154	114 (74,03)	29
Челябинская область (с районами нынешней Курганской области)	386	221 (57,25)	165

Очень короткий срок проведения операции по приказу № 00447, всего 4 месяца, определил то, как производился выбор жертв. Первым и одним из основных источников информации для сотрудников НКВД были агентурные сводки по отдельным районам и населенным пунктам. Большую роль здесь играли осведомители из среды служителей церкви. Сохранились характеристики отдельных осведомителей, дающие представление о продуктивности их работы.

«Мне приходилось, – свидетельствовал на допросе в 1939 году высокопоставленный сотрудник челябинского УНКВД А.В. Иванцов, – слышать хорошие отзывы <...> об агентуре <...> по личным делам, характеристики на них положительные. Хлопотов В. за 1936 г. дал 388 агентурных сводок, за 1937 г. по октябрь месяц, т.е., по арест, – 120; агент Бормотов за 1936 г. дал агентурных сводок 202, а за 1937 г. по октябрь месяц – 128» [16].

Другим источником информации для НКВД во время репрессий могли служить церковные документы, в которых имелись послужные списки духовенства. Такие списки составлялись священством еще в 1930-е годы и хранились как в приходских архивах, так и в епархиальных управлениях. Например, подборка клировых ведомостей духовенства Свердловской епархии за 1931–1932 годы хранилась в канцелярии епископа Сарапульского и Свердловского Алексия (Кузнецова) и впоследствии была передана в Ижевский архив [17]. Для репрессий духовенства могли использоваться регистрационные данные духовенства из районных исполнительных комитетов, а также списки лишенных избирательных прав.

При этом нужно отметить, что некоторым категориям церковнослужителей удалось избежать репрессий из-за их закрытости (отсутствия у властей данных об их деятельности). В Пермском крае к такой категории, к примеру, относились члены общин истинно-православных христиан. В Свердловске и Башкирии были задержаны только по одному члену ИПХ. Только в Челябинске во время Большого террора удалось задержать группу членов ИПХ из 13 человек. Одним из элементов вероучения в этих группах было непризнание государственного строя и отрицание всякого сообщения с ним как несущим на себе «печать антихриста». Отсутствие арестов среди лиц этой категории, в каком-то смысле носителей антигосударственных взглядов, выглядит несколько странным. Оно может быть объяснено тем, что представители истинно-православных христиан вели либо крайне закрытый, либо страннический образ жизни, группы их не имели государственной регистрации, в них было сложно внедрить осведомителей.

Другой категорией, которую в меньшей степени заделали репрессии во время Большого террора, явились монашествующие, вернее, те из них, которые не занимали какие-либо посты в Церкви. Сам институт монашества в условиях репрессий претерпел в 1930-е годы значительные изменения. Если ранее монашествующие объединялись в общины или другие группы, пытались организовать свою жизнь в социуме, то в 1936–1938 годах, после разгрома большинства общин во время коллективизации и возвращения осужденных из трехлетних ссылок, они селились по домам и квартирам по 2–3 человека, ведя закрытый образ жизни, исключая всюкую общественную деятельность.

Исследователи репрессий Большого террора на Урале единодушно отмечают «внеюрисдикционность» террора. Так, в отличие от предыдущих лет, он не обошел стороной ни сторонников митрополита Сергия, ни сторонников Уфимского епископа Андрея (Ухтомского), ни другие автокефальные приходы, ни григорьевцев, ни старообрядцев, – захватив все религиозные группы христиан, которые имели какую-либо государственную регистрацию или просто вели оседлый образ жизни. Обновленцев Большой террор также коснулся в полной мере. Причем еще до его начала – 26 мая 1937 года в Свердловской области был арестован обновленческий митрополит Михаила Трубин, а вместе с ним 126 представителей этой церкви, проживавших в Свердловске, Перми и других городах Урала [12, с. 257; 18, с. 27].

Пострадали во время Большого террора также и осведомители НКВД из числа служителей церкви, причем террор против них был обусловлен особенностью работы региональных структур НКВД. Если в Управлении НКВД по Свердловской области сотрудничество являлось скорее «смягчающим» обстоятельством (обычно такие люди осуждались на 10 лет ИТЛ), то челябинские сотрудники НКВД, наоборот, практиковали привлечение бывших сексотов в качестве руководителей контрреволюционных организаций, с последующим вынесением им смертных приговоров [15]. (Вероятно, это упрощало фабрикацию дел...)

В большинстве исследований, посвященных времени Большого террора, статистика его жертв ограничивается 1937–1938 годами [20]. Не все ученые согласны с этой хронологией, и в зависимости от рассматриваемой группы, подвергшейся репрессиям, верхняя и нижняя хронологические границы могут отодвигаться. Согласно выводам диссертационного исследования С.В. Сосновской, среди историков до сих пор нет однозначного мнения о хронологии Большого террора. При этом «историки единодушны в том, что пик репрессий на Урале, как и по всей стране, приходился на 1937 год» [21]. Данные, полученные в результате статистических расчетов по всем областям Урала, позволяют вполне согласиться с этим выводом: большинство обвинительных приговоров по уральскому духовенству было вынесено именно в 1937 году (табл. 2, 3).

Таблица 2

Динамика числа арестованных священноцерковнослужителей
в период Большого террора

Современные названия административно-территориальных образований РФ	Количество арестованных по годам, чел.		
	1937	1938	Всего
Свердловская область	236	23	259
Пермский край	338	53	391
Челябинская область	235	57	292
Курганская область	101	10	111
Башкирия	263	24	287
Оренбургская область	147	7	154

Таблица 3

Количество арестованных священноцерковнослужителей
и приговоренных к ВМН (до и после приказа № 00447)

Современные названия административно-территориальных образований РФ	Арестовано, чел.	Приговорено к ВМН, чел.
Свердловская область	15 (5 неизв.)	0
Пермский край	26	0
Челябинская область	3	0
Курганская область	20	0
Башкирия	10 (2 неизв.)	0
Оренбургская область	18 (2 неизв.)	0

Одной из существенных характеристик Большого террора, по нашему мнению, является массовое вынесение осужденным смертных приговоров. В 1938 году число осужденных по всем областям заметно снижается, но смертные приговоры при этом продолжают выноситься, поэтому, несмотря на кульминацию в 1937 году, репрессии не могут считаться ограниченными только этим годом. По нашему мнению, основанному на анализе репрессий против служителей церкви Урала, хронологические рамки Большого террора против этой категории людей можно сузить временем действия приказа НКВД № 00447: с августа 1937 года по ноябрь 1938 года. Как показали подсчеты (табл. 3), ни до, ни после действия этого приказа на территории всех рассмотренных Уральских областей в 1937–1938 года не было расстреляно ни одного служителя церкви. Поэтому время Большого террора против церковнослужителей на Урале в узком смысле этого слова можно ограничить временем действия приказа № 00447. На тех же позициях стоят пермские историки М.Г. Нечаев и С.В. Уткин, а также их российские и немецкие коллеги, предпринявшие комплексное исследование Большого террора в разных областях России.

Вопрос, на какое время приходится кульминация репрессивной политики во время Большого террора, впервые был поставлен М.Г. Нечаевым и Уткиным в статье [12]. При расчете они брали за отправную точку дату ареста. По нашему же мнению, более объективную картину динамики репрессий покажет подсчет, основанный на дате осуждения.

Так, у пермских историков пик репрессий пришелся на август (95) и октябрь (76), тогда как спад – на ноябрь (10) и декабрь (12). При нашем подсчете статистика репрессий в Пермском крае выглядит следующим образом: август (50), сентябрь (70), октябрь (76), ноябрь (53) и декабрь (35), нарастает к октябрю, далее следует спад. Кульминационная точка репрессий в наших исследованиях совпадает – это октябрь. При этом в каждом из областных управлений НКВД в проведении Большого террора против Церкви пик репрессий приходится на разное время: в Оренбургской области пик обвинительных приговоров, по нашим подсчетам, пришелся на август и октябрь, в Свердловской – на сентябрь, в Челябинской – на ноябрь 1937 года. Это объясняется опять же спецификой работы областных управлений НКВД.

Многие исследователи Большого террора исходят из посыла о хаотичности этого процесса, говорят об отсутствии в его проведении всякой внутренней логики и даже о самоистреблении нации. В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что даже при высоком проценте хаотичности в процессе Большого террора некоторые закономерности все-таки могут быть отмечены. Другим важным тезисом, взятым за основу нашей работы, является следующий: роль местной специфики каждого областного управления НКВД в осуществлении данной кампании. Согласно комплексному исследованию Большого террора, проведенному группой российских и немецких ученых и опубликованному в сборнике «Сталинизм в

советской провинции: 1937–1938 гг.», при одинаковых установках основная тяжесть приказа № 00447 в разных местах легла на разные категории населения, которые местные органы государственной безопасности в большей или меньшей степени расценивали как проблемные для своего региона [22]. Так, например, согласно исследованию, в Прикамье основной удар репрессивной машины пришелся на спецпереселенцев, в Свердловской области – на фиктивных членов РОВС (Российский общевойсковой союз) [22, с. 46].

Репрессивная политика по отношению к духовенству имеет отличия в разных областях и районах. Это обусловлено разными причинами: особенностями работы того или иного областного управления НКВД с агентурой в рядах церковников, оценкой служителей церкви как контрреволюционеров, степенью их аполитичности, авторитетом среди местного населения.

Известно, что выполнение приказа № 00447 регламентировалось определенными планами и даже указаниями, сколько человек должно было быть приговорено к расстрелу, а сколько отнесено к более «щадящему» наказанию в виде срока осуждения на 10 или 8 лет. «Плановые показатели» в конечном счете были увеличены более чем в два раза. Так, в Оренбургской области лимит на расстрелы вырос с 1500 до 3500. При этом областные управления НКВД в большинстве случаев перевыполняли даже такой завышенный план.

В табл. 4 мы приводим известные сведения о количестве человек, определенных по лимитам июля 1937 года, и итоговое число репрессированных по Свердловской и Челябинской областям [22, с. 45; 19, с. 500–501].

Таблица 4

Количественные итоги реализации приказа № 00447
в отношении священноцерковнослужителей

Современные названия административно-территориальных образований РФ	ВМН – лимит/ фактически, чел.	Осужденные на срок 10 лет лимит / фактически, чел.	Всего репрессировано лимит / фактически, чел.
Свердловская область	4000 / 11840	6000 / 7779	10000 / 19619
Челябинская область	1500 / 8656	4500 / 8130	6000 / 16786

Каждое из областных управлений проявляло в этом деле долю самостоятельности, решая, кого и в каких группах относить к первой или второй категории. Количество осужденных служителей церкви от общего числа репрессированных во время Большого террора составляет всего 1,2–1,3 %, что обусловлено малочисленностью самой этой группы. Внутри же ее репрессии коснулись очень и очень многих. Для того чтобы показать специфику проведения террора относительно служителей Церкви, нужно ввести такую категорию, как «интенсивность», или «ожесточенность», Большого террора, измеряемую в проценте осужденных к ВМН: по Свердловской области в целом она составляет 60,4 %, а для Челябинской – 51,6 %. Подсчет процентного соотношения числа церковнослужителей, осужденных по первой категории, и общего числа осужденных, покажет нам, в каком регионе был больший или меньший уровень репрессий по отношению к служителям церкви. Полученные результаты были сведены нами в табл. № 4, из которой статистика «интенсивности Большого террора» по уральским областям выглядит наиболее наглядно.

При этом нужно отметить, что по отношению к духовенству процент применения приговоров к высшей мере наказания был выше, чем к «церковникам» в целом – от 60 до 90 % и более. Так, в Оренбургской области во время действия приказа № 00447 из 111 репрессированных клириков было приговорено к разным срокам только 5 клириков, остальные 106 расстреляны,

а это 95,5 %. В Башкирии из 208 репрессированных во время действия приказа № 00447 клириков приговорены к разным срокам 34, остальные 174 были расстреляны, что составило 83,6 %. В Свердловской области (без территории будущей Пермской и южных районов, в то время относившихся к Челябинской области) из 151 репрессированных по приказу № 00447 клириков 90 были приговорены к ВМН, что составило 59,6 %. В Челябинской (без территории нынешней Курганской) – 171, из них расстреляно 138, что составило 80,7 % (табл. 5).

Таблица 5

Число приговоренных к высшей мере наказания на Урале
во время Большого террора среди священноцерковнослужителей

Современные названия административно-территориальных образований РФ	Количество осужденных «церковников» по приказу № 00447 / из них священнослужителей, чел.	Количество «церковников», приговоренных к ВМН / из них священнослужителей, чел.	Доля применения ВМН с августа 1937 года по ноябрь 1938 года, все «церковники» / священнослужители, %	
Свердловская область	175 / 151	105 / 90	60,0 / 59,6	62,5 / 65,7
Пермский край	363 / 251	231 / 174	64,0 / 69,3	
Челябинская область	357 / 171	263 / 138	73,7 / 80,7	73,9 / 82,0
Курганская область	91 / 57	68 / 49	74,7 / 86,0	
Башкирия	275 / 208	197 / 174		71,8 / 83,6
Оренбургская область	134 / 111	118 / 106		88,1 / 95,5

Примечание: в каждой из областей встречаются 1–2 умерших во время следствия, они объединены в расчетах с приговоренными к смертной казни.

Из таблицы видна специфика «интенсивности» (ожесточенности) террора к служителям Церкви вообще и к духовенству в частности. В первую очередь надо отметить огромную роль регионального компонента в проведении политики Большого террора по отношению к «церковникам». Так, на территории Свердловской области эта «интенсивность» (ожесточенность) была меньше, чем где бы то ни было на Урале. Репрессии против церковнослужителей здесь практически не выделяются из общей картины Большого террора. Если в Свердловской области расстреливали в среднем 60,4 % от всех арестованных, то среди «церковников» соответствующий показатель при подсчетах оказался равным 60,0 % (т.е. даже чуть меньше, однако в пределах статистической погрешности).

В то же время в Челябинской области можно говорить, о гораздо более ожесточенном терроре по отношению к служителям церкви. При общем количестве осуждений к расстрелу по области 51,6 %, к «церковникам» приговор к ВМН применялся в 73,9 % случаев, почти такой же уровень (71,8 %) был и в Башкирии. Самый же высокий процент расстрелянных «церковников» оказался в Оренбургской области – 88,1 %. Возможно, это объясняется тем, что в этой области большинство из репрессированных служителей церкви имело священнический сан. Из арестованных клириков при этом было расстреляно 95,5 %.

Репрессивная политика против духовенства осуществлялась параллельно с кампанией по закрытию храмов. Так, если в Свердловской епархии сохранилось в качестве действующих около 20 церквей, а в то же самое время в Башкирии не закрывалась лишь одна церковь, в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях были закрыты все...

Духовенство Свердловской области менее всего пострадало в Большом терроре, в связи с чем возникает вполне закономерный вопрос о причинах такой «мягкости» со стороны НКВД, осуществлявшего политику Большого террора в регионе. Нужно отметить, что долгое

время в Свердловске располагалось управление Уральского обновленческого митрополичьего управления, всецело подконтрольного ОГПУ-НКВД; именно Свердловская епархия была родоначальницей григорианского раскола, созданного не без участия ОГПУ. Можно предположить, что свердловские органы госбезопасности поэтому не видели особой опасности в Церкви и не относили ее представителей к своим главным врагам. Конечно, рано делать вывод о том, что активное сотрудничество служителей церкви Свердловской области с органами госбезопасности помогло сохраниться остаткам церковного института во время Большого террора, но некоторые предпосылки, позволившие выдвинуть эту гипотезу, все же существуют.

Каковы были последствия Большого террора для служителей церкви на Урале, можно проследить по документам более позднего периода. Согласно отчету Уполномоченного по делам религии по Свердловской области за 1947 год, на территории области несло церковное служение 55 клириков, из них 39 священников и 3 диакона с церковным стажем более 10 лет [20], т.е. рукоположенных ранее 1937 года и переживших период репрессий. Стратегии и пути их выживания в этот кульминационный период в истории репрессий были разнообразными: некоторые из них приехали из западных епархий Советского Союза, которые Большой террор не затронул или затронул в меньшей степени; другие (как, например, иерей Алексей Малиновский) к 1937 году уже находились в местах заключения (и притом не попали под «лагерные чистки»), третьи в тяжелые 1930-е оставили церковное служение и перешли на гражданскую работу или стали странствующими священниками, что порой снижало вероятность ареста. Единицы (как священник Боровлянской церкви Павел Петров или настоятель церкви в с. Большой Исток Гавриил Панов) чудом уцелели в эти годы, не оставляя службы в церкви, благодаря покровительству местной власти. Тем не менее последствия Большого террора для уральского духовенства оказались так тяжелы, что даже 10 лет спустя при все своей гибкости и возможности к воспроизводству, оно не смогло воссоздать даже четвертой части от уничтоженных. И это в епархии, в которой Большой террор проходил с наименьшей ожесточенностью. Таким образом, можно сказать, что для духовного сословия на Урале события Большого террора являются своеобразной чертой, за которой начинается история уже нового духовного сословия, сословия, носящего совершенно иной социокультурный облик.

Что касается церковнослужителей, не имевших сана, доля пострадавших среди них может быть подсчитана весьма условно. Имеются данные об их количестве к 1947 году – 230 работников церкви на 31 храм. При этом к 1 января 1936 года на территории Свердловской области вместе с Пермской имелось 402 действующих церкви, а значит, никак не меньше 3 тысяч ее служителей. Если цифры, нами проецируемые, верны, то общая доля репрессированных церковнослужителей по обеим областям не превышает 5 %. Отсюда можно сделать еще один вывод о том, что основной целью репрессивной политики государства во время Большого террора была институциональная церковная структура. Основной группой, попавшей под репрессии, стало православное духовенство и особенно епископат, низшие члены церковного клира подверглись репрессиям в значительно меньшей степени, еще в меньшей степени репрессии коснулись верующих людей, не занимавших какие-либо посты и должности в церковной организации. Уменьшение в разы числа церковных работников произошло прежде всего вследствие массового закрытия храмов, оставшихся без священников. Вероятно, количество верующих людей, несмотря на репрессивную политику государства, не сократилось значительно (что показали последующие годы подъема церковной жизни с 1943 года), только религиозность населения стала видоизменяться из-за отсутствия храмов.

Таким образом, по нашему мнению, необходимо рассматривать политику Большого террора не только как «гонение на веру» по признаку религиозности, но в первую очередь как репрессии против института духовенства, как искоренение «контрреволюционного» класса.

Список литературы

1. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920 – начало 1950-х гг.: в 2 ч. – Н. Тагил, 1996;
2. Шестернина Н.Г. Каменск. 1917–1950 гг. Книга Памяти. – Каменск-Уральский, 2006.
3. Терехов В.С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти: тез. докл. науч. конф. (г. Екатеринбург, 25–26 окт. 1994 г.). – Екатеринбург, 1994. – С. 164–176.
4. Кузнецов А.Ф. Репрессии на Урале в 20-30-е гг. в лесных отраслях // История репрессий на Урале в годы Советской власти: тез. докл. науч. конф. (г. Екатеринбург, 25–26 окт. 1994 г.). – Екатеринбург, 1994.
5. Винниченко О.Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы Советской власти: тез. докл. науч. конф. (г. Екатеринбург, 25–26 окт. 1994 г.). – Екатеринбург, 1994. – С. 16–18.
6. Каплин П.В. Взаимоотношения Русской православной церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг. (на материалах Урала): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – 273 с.
7. Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и Русской православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – 370 с.
8. Агафонов П.Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг. (на материале Пермской епархии): дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2002. – 259 с.
9. Лавринов В.В. протоиер. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 334 с.
10. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. III / сост. Николай Стремский, протоиер. – Оренбург, 2000. – 576 с.
11. Дивен Бог во святых Своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Кн. IV / сост. Николай Стремский, протоиер. – Оренбург, 2011. – 304 с.
12. Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН. – С. 244–275.
13. Дегтярева М.И., Дегтярева М.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Перм. ун-та. История. – Пермь. – 2013. – Вып. 3 (23). – С. 176–186.
14. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: библиограф. справочник / науч. ред. В.А. Волчек; авт. сост. А.М. Адаменко [и др.] / ООО «СКИФ». – Кемерово, 2011. – 408 с.
15. Следственное дело Логинова В.В., 1938 г. // ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 7254.
16. Из протокола допроса свидетеля Иванцова А. В. 2 декабря 1939 г. // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 428.
17. Ведомости о церквях, причтах и прихожанах Свердловской епархии за 1931 г. // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 245 Оп. 5 Д.173. Л. 1–40.
18. Нечаев М.Г. Из истории Пермской епархии // Храмы Пермского края. Ист.-краевед. изд. Фотоальбом. – Пермь: Политком, 2010.

19. Печерин А.В. К вопросу о сотрудничестве духовенства с органами НКВД (на примере Урала) // Православие на Урале: связь времен: материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 10 февраля 2018 г.). – Екатеринбург, 2018. – С. 178–184.

20. Синельщиков Ю.П. Место уголовного процесса в Большом терроре 1937–1938 // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. – С. 53–62.

21. Сосновская С.В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

22. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН, 2009. – 927 с.

References

1. Kirillov V.M. Istoriiia repressii v Nizhnetagil'skom regione Urala 1920 -nachalo 1950-kh gg. [History of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals, 1920 - early 1950's.]. Nizhnii Tagil, 1996.
2. Shesternina N. Gorod Kamensk 1917–1950 gg. Kniga pamiati [The city of Kamensk. 1917-1950 The Book of Memory]. Kamensk-Ural'ski, 2006.
3. Terekhov V.S. Politicheskie repressii inzhenerno-tehnicheskoi intelligentsii Urala v 1930-e gg. [Political repression of the engineering and technical intelligentsia of the Urals in the 1930s.]. *Istoriiia Repressii na Urale v Gody Sovetskoi Vlasti*. Ekaterinburg, 1994. pp. 164-176.
4. Kuznetsov A.F. Repressii na Urale v 20-30-e gg. v lesnykh otrasliakh [Repression in the Urals in the 20-30-ies. in forest industries]. *Istoriiia Repressii na Urale v Gody Sovetskoi Vlasti*. Ekaterinburg, 1994.
5. Vinnichenko O.Iu. Nomenklatura i repressii 30-kh gg. (na materiale mestnykh Sovetov Urala) [Nomenclature and repression of the 30s. (on the basis of local councils of the Urals)]. *Istoriiia Repressii na Urale v Gody Sovetskoi Vlasti*. Ekaterinburg, 1994.
6. Kaplin P.V. Vzaimootnosheniia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i gosudarstvennoi vlasti v SSSR v 1927-1938 gg.: Na materialakh Urala [Mutual relations of the Russian Orthodox Church and state power in the USSR in 1927-1938.: On materials of the Urals]. Ph. D., Ekaterinburg, 2006, 273 p.
7. Bulavin M.V. Vzaimootnosheniia gosudarstvennoi vlasti i Pravoslavnoi tserkvi v Rossii v 1917–1927 gg. (Na primere Urala) [The relationship between state power and the Orthodox Church in Russia in 1917-1927. (On the example of the Urals)], Ekaterinburg, 2000, 370 p.
8. Agafonov P.N. Evoliutsiia gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v 1920–1929 gg.: Na materiale Permskoi eparkhii [Evolution of state-church relations in 1920-1929: On the material of the Perm diocese]. Ph. D., Perm', 2002, 259 p.
9. Lavrinov V.V. Ekaterinburgskaia eparkhiia. Sobytiia. Liudi. Khramy. [Ekaterinburg Diocese. Developments. People. Temples.]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet, 2001, 334 p.
10. Mucheniki i ispovedniki Orenburgskoi eparkhii XX veka [Martyrs and confessors of the Orenburg diocese of the twentieth century]. Ed. Nikolai Stremskii, protoierei. Book III. Orenburg, 2000, 576 p.
11. Diven Bog vo sviatykh Svoikh. Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestii v Orenburgskoi eparkhii [God is God in his saints. Martyrs, confessors and devotees of piety in Orenburg diocese]. Ed. Nikolai Stremskii, protoierei. Book IV. Orenburg, 2011, 304 p.
12. M.G. Nechaev, S.V. Utkin. Ispolnenie prikaza no. 00447 v srede pravoslavnykh Permskoi eparkhii [Execution of Order No. 00447 in the environment of the Orthodox Diocese of Perm]. *Stalinizm v sovetskoi provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza no. 00447 [Stalinism in the soviet province: 1937-1938]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN); Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009, 927 p., pp. 244–275.*
13. Degtiareva M.I., Degtiareva M.E. «Ogliadyvaias` na tridtsat` sed` moi» sledstvennye dela sviashchennikov, postradavshikh v Permi v god Bol'shogo terrora [“Looking back at the thirty-seventh”: investigating cases of priests who have suffered in Perm in the year of the Great Terror]. *Perm University Herald. History*. Perm', iss. 3 (23), 2013, pp. 176-186.
14. Novomucheniki i ispovedniki zemli Kuznetskoi: Bibliograficheskii spravochnik [New martyrs and confessors of the land of Kuznetsk: Bibliographical directory]. Ed. Adamenko M. Kemerovo, OOO «SKIF», 2011, 408 p.
15. Sledstvennoe delo Loginova V.V., 1938 g. OGACHO (Obedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti), f, R-467, op. 3, d. 7254.
16. Iz protokola doprosa svidetelia Ivantsova A.V. 2 dekabria 1939 g. OGACHO, f. R-467, op. 3, d. 25163, vol. 22, l. 428.
17. Vedomosti o tserkviakh prichtakh i prikhozhanakh Sverdlovskoi eparkhii za 1931 g. Tsentral'nui gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki, f. 245, op. 5, d. 173, l-40.
18. Nechaev M.G. Iz istorii Permskoi eparkhii [From the history of the Perm diocese]. Khramy Permskogo kraia. Istoriko-kraevedcheskoe izdanie. Fotoal'bom. Perm', «POLITKOM», 2010.
19. Pecherin A.V. K voprosu o sotrudnichestve dukhovenstva s organami NKVD (na primere Urala) [On the issue of cooperation between the clergy and the NKVD (on the example of the Urals)]. *Pravoslavie na Urale: sviaz` vremen: materialy VII mezhtseional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 10 fevralia 2018 g.)* Ekaterinburg, 2018, pp. 178–184.
20. Sinel'shchikov Iu.P. Mesto ugovolnogo protsesssa v bol'shom terrore 1937–1938 [Place of criminal proceedings in the Great Terror 1937-1938]. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. A series of Jurisprudence*, pp. 53–62.
21. Sosnovskaia S.V. Politicheskie repressii na Urale v kontse 1920-kh – nachale 1950-kh gg. v otechestvennoi istoriografii. Abstract of Ph. D. thesis, Ekaterinburg, 2010.
22. Iunge M., Bonvech B., Binner R. Stalinizm v sovetskoi provintsii: 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza no. 00447 [Stalinism in the Soviet Province: 1937-1938. Mass operation based on order No. 00447]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN); Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009, 927 p.

Получено: 23.06.2018

Принято к печати: 14.09.2018